

УДК 81'27:81'23

«САМЫЕ КОЛОРИТНЫЕ И САМЫЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ»: ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ДИСКУРСА О КУБАНСКОЙ БАЛАЧКЕ

Екатерина Владимировна Трощенко

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. kathlynt@gmail.com

Ольга Владимировна Блинова

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. 0973000@gmail.com

Статья посвящена ценностному аспекту самоидентификации, осуществляемой локальной культурно-языковой группой, которая стремится подчеркнуть свою особость на фоне окружающих крупных сообществ. Рассматривается один из «казачьих идиомов» («балачка») и дискурс о ней. Основные наблюдения таковы: дискурс разворачивается на русском (реже – украинском) языке, процессы дистанцирования от большего языкового и культурного сообщества (сообществ) превалируют над процессами солидаризации внутри группы; дистанцирование воплощается в возведении «уникальности» идиома и группы, на нем говорящей, в ранг ценностных ориентаций, что приводит к желанию найти в идиоме как можно больше отличительных (контрастных) черт. При этом принадлежность к большому социокультурному сообществу остается значимой и участники дискурса оказываются перед задачей сохранения баланса между центробежными силами дистанцирования и центростремительными самоидентификационными процессами в рамках «большой» включающей культуры.

Ключевые слова: самоидентификация; ценности; балачка; положительная саморепрезентация; солидаризация; дистанцирование.

В последнее десятилетие становится все более заметной борьба за признание особого этнического статуса среди представителей локальных сообществ, считавшихся русскими, таких, как поморы, сибиряки, казаки и др. (подробнее см., например: [Корюшкина 2003; Кринко 2012; Тулаева 2009; Хоперская, Киблицкий 2012]).

Настоящая статья посвящена изучению одного из аспектов самоидентификации группы, которая стремится выделить себя внутри большего языкового и культурного сообщества (сообществ), сохраняя при этом связь с этим сообществом (сообществами). Нас интересуют проблемы ценностных ориентаций представителей данной группы и всех, кто так или иначе имеет отношение к ее самоидентификационным процессам, в том виде, как они отражаются в порождаемом относительно этих вопросов дискурсе.

С нашей точки зрения, рассматриваемые в статье процессы способствуют появлению у группы особого вида двойственной коллектив-

ной идентичности. Вслед за А. Анисимовой и О. Ечевской мы будем считать, что «идентичность формируется в активном взаимодействии индивида (в нашем случае здесь и далее – группы) с окружающей реальностью: индивид “становится кем-то” в конкретных действиях, которые осуществляет в определенном контексте» [Анисимова, Ечевская 2012]. Соответственно, под идентичностью мы – вслед за указанными авторами – будем понимать «не столько “качество” группы, сколько способность классифицировать окружающую реальность определенным образом на основе способа взаимодействия с этой реальностью» [там же].

Таким образом, речь идет о специфическом типе бикультурности и билингвизма: ситуации, когда – при закономерном существовании внутрикультурной и внутриязыковой вариативности (см., например, представления о культуре у [Sharifian 2011]) – определенная группа, носитель одного из таких вариантов, стремится по

тем или иным причинам представить данный языковой и культурный вариант как обособленный. Фокус внимания на варианте ставит его в центр формирования идентичности и возводит в ранг ценности для данной группы (о ценностях как социокультурно маркированных, концептуализированных аффордансах, получивших социальную оценку, см.: [Трощенко 2012б]).

Ярким примером такого рода процессов, на наш взгляд, является ситуация с одним из «казачьих идиомов» – балачкой. На одном из сайтов, посвященных истории казачества и казачьей культуре, мы находим весьма показательные рассуждения об этом идиоме:

(1) «Кубанский говор рассматривался бы... самостоятельным производным от какого-то конкретного украинского **или** русского языка. Однако культура кубанских казаков сложилась из смеси культур различных народностей, украинцев, русских, черкесов, татар, даже турок. Все это приводило к тому, что сформировалась **отдельная общность** людей с **индивидуальной самобытной культурой, впитавшей в себя самые колоритные и самые прогрессивные на то время признаки** (здесь и далее выделено авторами. – *Е.Т., О.Б.*)» [Кубанский говор: электр. ресурс].

Прежде всего, из примера видно, что самоидентификационный дискурс в данном случае разворачивается на русском языке, а не на самом идиоме. Данное замечание справедливо и для дискурса о балачке вообще, в котором используется русский и украинский языки (на украинском о балачке см., например: [Пукиш: электр. ресурс]).

Поток публичной языковой продукции (мы в данном случае не учитываем общение в быту) собственно на идиоме достаточно ограничен. Главным образом речь идет о фольклоре: песнях, сказках, пословицах и поговорках. Кроме того, на балачке иногда появляются заголовки (и небольшие выдержки) в кубанской прессе, а в 1998 г. на местном телевидении шла передача на кубанском диалекте. Однако метаязыковую функцию описания всей этой языковой продукции выполняют литературный русский и литературный украинский языки. Бесспорно, элементы языковой продукции на балачке рассматриваются соответствующей группой как важные для самоидентификационного процесса – неслучайно им уделяется достаточно большое внимание наряду с другими элементами казачьей культуры.

Итак, можно заключить, что на данном этапе процессы дистанцирования от большего языко-

вого и культурного сообщества преобладают над процессами солидаризации внутри группы. Так, использование литературного русского языка предполагает адресованность дискурса о казачьей самобытности не только (а возможно и не столько) членам данной группы, сколько в целом большому языковому и культурному сообществу, из которого данная группа вычленяется. Коммуникативная стратегия дистанцирования, как мы видим в примере (1), активно реализуется на лексическом уровне за счет многократного употребления слов соответствующей семантики: *отдельный, индивидуальный, самобытный, самостоятельный, своеобразный* и т.д.

Также дистанцирование своей группы от других и позиционирование ее как уникальной зачастую производится в сопоставлении, за счет употребления сравнительных конструкций. В примере (2) мы видим, что разные авторы, пишущие о балачке, фокусируют внимание читателя на идее абсолютной непохожести ситуации на Кубани на ситуации в остальных регионах России:

(2) «Кубанское “двуязычие” было явлением **уникальным**. Языки не просто смешались, но образовали диалект, столь **своеобразно выраженный, как никакой иной диалект России**. Диалект кубанцев – это литературный язык. Это язык народа» [Ткаченко 1998]; «...**ни одна область и край России** не имеет столь **ярко выраженных оригинальных языковых особенностей, как Кубань**» [Литвинов 2001].

Эта же тенденция возведения «уникальности» языка и группы, на нем говорящей, в ранг ценностных ориентаций и, соответственно, основ самоидентификации приводит и к желанию найти в идиоме как можно больше черт на уровне фонетики, лексики и даже грамматики (зачастую вопреки реальному положению дел), которые отличали бы балачку от других окружающих диалектов и литературных языков.

Наиболее примечательные «особенности» балачки, согласно доступным в Интернете обобщениям наивных лингвистов (см. источники: [Ковалев 2009; Языковой фактор балачки: электр. ресурс], а также [Пигунова: 2014], где есть поразительные текстуальные совпадения с публикацией Д. Ковалева), таковы:

– «Отсутствие среднего рода». Авторы говорят об этом, опираясь в первую очередь на примеры типа *мяса* (мясо), *неба* (небо). В результате действия аканья в говорах действительно происходит нейтрализации родовых различий и, в частности, переход существительных среднего рода в женский.

– «Синтетическое (sic!) словообразование». Имеются в виду перифрастические выражения типа *держат ответ* (отвечать), *возьмет страх* (испугаться), *смертушку приять* (умереть).

– «Особые временные формы», образующиеся с помощью «вспомогательной частицы» *зарас* (сейчас).

– «Сложная система указательных местоимений», включающая *утэтот*, *утэн*, *утот*, *энтот*. Некоторые приведенные формы, по-видимому, можно интерпретировать просто как фонетические преобразования сочетаний с *вот*: *вот этот* (=утэтот) и *вот тот* (=утот); форма *энтот* с эпентезой непримечательна.

– «Особая падежная система», которую авторы видят в склонении личного местоимения *я* (*я* – *мине* – *мине* – *мине* – *мной* – *мине*) и в совпадении форм *род.* и *дат.* падежа существительных в формах типа *у маме* – *к маме*, *у куме* – *к куме* (эти черты обычно описываются как основные для южнорусского наречия).

– Щелевой [γ] (если именно его имеют в виду авторы под специфическим «мягким г»), [т'] в окончаниях глаголов 3-го лица, что традиционно считается чертами южнорусских говоров, противопоставляющими их северорусским.

Таким образом, наивные авторы находят в балачке яркие черты, которые на самом деле свойственны южнорусским говорам, (причем находят, по-видимому, без обращения к литературе по диалектологии); кроме того, они конструируют формы или реинтерпретируют существующие (см. пункты 2, 3, 4). Эти находки и изобретения призваны прежде всего противопоставить балачку русскому (литературному) языку.

Возникает очевидная потребность в положительной саморепрезентации выделяемой группы, реализуемая при помощи положительно коннотированной оценочной лексики. При этом выбираемые для описания языковые единицы могут как дополнительно подчеркивать идеи необычности, особенности группы и ее идиома (см. пример (1): *колоритный*, пример (3) *благородный и мудрый*), так и актуализировать видение (см. пример (1): *прогрессивный*, пример (3): рассуждения о *новоязе*), при котором положительная саморепрезентация имплицитно также негативную репрезентацию Другого.

(3) «... Должно вывести казаков к необходимости возрождения национального языка. Это не сепаратизм, не желание забыть и забросить великий русский язык, на котором мы пишем и думаем. Это осознание того, что наши дети будут говорить и писать либо на **новоязе**,

языке «красавчегов» и «преведов», обильно сдобренном матом и тюремным жаргоном, либо на **благородном и мудром языке своих предков**. Третьего не дано. Чи не здюжим гамузом, станишники?» [Ковалев 2009].

В качестве этого Другого как точки отсчета в рассматриваемом дискурсе самоидентификации могут быть выбраны различные группы. В случаях (достаточно обычных), когда эту роль выполняет русская языковая и культурная общность в целом или власти (Российской империи, СССР, РФ), предпочтение отдается имплицитному указанию на Другого как некую довлеющую силу, способствовавшую принижению статусу описываемого объекта. При этом, как видно, в частности, из примера (4), существует тенденция к употреблению страдательного залога, неопределенно-личных конструкций, позволяющих избежать прямого называния субъекта деятельности.

(4) «Во все времена **явно и тайно гонимый** по соображениям политическим, кубанский диалект все-таки сохранился в языке значительной части людей юга России» [Ткаченко Петр Иванович и его книги: электр. ресурс]; «Все, что мы ныне знаем о гутаре и балачке, ничтожно по сравнению с тем, что еще предстоит вспомнить и описать. Веками эти варианты казачьего языка **забывались, замалчивались, запрещались**. Сотни тысяч кубанских казаков **переводили** сначала на украинский, потом на русский. Сотни тысяч донцов, терцев и уральцев **принуждали забывать** казачьи “словечки” и не “коверкать” русскую грамматику и словообразование [Ковалев 2009].

Следует также отметить высокую эмоциональность самоидентификационного дискурса как дополнительное свидетельство ценностного статуса описываемого объекта. Рассуждения о казачьей речи, как видно из примера (5), наполнены употреблением эпитетов, метафор, междометий, которые отражают стремление авторов представить язык как нечто эмоционально значимое, превращая его в объект положительной психоэмоциональной фиксации.

(5) «То, как растворялся в море русского языка **островок живой казачьей речи**, подметили еще деятели казачьего возрождения в начале XX века»; «Это лишь верхушка **ушедшего под воду айсберга народного языка**»; «Отвечая на вопросы, поставленные в начале статьи, ответим – да, казачий язык существует, **уввы**, лишь в форме устной, употребимой и

рассматриваемой ныне лишь как диалект русского языка» [Ковалев 2009].

Ситуация с балачкой осложняется тем, что процессы группового дистанцирования проводятся не только от русской, но и украинской культурно-языковой общности. Следовательно, особый интерес в этом напряженном балансировании между двумя большими сообществами представляет степень осознания внешних факторов политического и прочего характера, влияющих на самоидентификацию группы, и то, какое влияние это оказывает на самоидентификационный дискурс. Показательной в этом отношении является следующая полемика:

(6) «Автор видит сложность в том, что речь жителей Кубани как российского региона, названная диалектом украинского языка, т.е. языка иного государства, почему-то “не может быть бесстрастной и не влечь за собой соображений совсем нефилологического порядка”. В другом месте он отмечает как “не такую уж безобидную ситуацию” тот факт, что в недавно изданном сборнике кубанских пословиц “диалект одного из регионов России дается на языке сопредельного государства” (обратим внимание на терминологию, используемую автором)» [Пукиш 2009].

В ценностном отношении заметно, что очень часто, несмотря на значимость групповой идентичности, факт принадлежности к большей социокультурной группе остается крайне важным и продолжает активно влиять на процесс групповой самоидентификации. Наиболее явно это проявляется в стремлении отграничить процессы самоидентификации от понятия «сепаратизма»:

(7) «О пресловутом украинском факторе, который может потворствовать **сепаратистским настроениям**, напомнило сообщение ИА Regnum...» [Языковой фактор балачки: электр. ресурс].

Понимание потенциальной уязвимости активного использования стратегии дистанцирования в дискурсе самоидентификации приводит к применению так называемого «превентивного оправдания» (подробнее о явлении см.: [Троценкова 2012а; Троценкова: в печати]), как в примере (3) – «это не сепаратизм, не желание забыть и забросить великий русский язык, на котором мы пишем и думаем...». Иными словами, автор может стремиться наложить интерпретационные ограничения на допустимую степень дистанцирования группы, таким образом, в дискурсе наблюдается ценностный конфликт самоидентификации одновременно в рамках локальной группы и большого сообщества.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в рассматриваемом самоидентификационном дискурсе сам идиом приобретает ценностный статус и активно увязывается в этом качестве с ценностным концептом «культурной самобытности», поскольку представляется как важная ее составляющая. При этом, поскольку принадлежность к большему социокультурному сообществу (чаще – русскому) также остается значимой, участники дискурса оказываются перед непростой задачей сохранения баланса между центробежными силами дистанцирования своей малой группы от большого сообщества и центростремительными самоидентификационными процессами в рамках этой включающей культуры. Это напряжение между двумя противоположенными мотивационными тенденциями в значительной мере обуславливает выбор коммуникативных стратегий данного типа дискурса и его высокую эмоциональность.

Список литературы

Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium*. 2012. №4(3). С. 11–41. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/9/705> (дата обращения: 31.05.2014).

Корюшкина Е. В ожидании переписчиков: о надеждах и отношении к переписи-2002 турок-месхетинцев и казаков Краснодарского края // *Этнография переписи-2002*. М., 2003. С. 207–20.

Кринко Е.Ф. Бренд казачества: мемориальная версия // *Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест*. Ростов н/Д, 2012. С. 191–206.

Пигунова А.П. Кубанский диалект: традиции и современность // «Наука XXI века: новый подход»: Материалы VIII молодежной международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 28–29 января 2014 г., г. Санкт-Петербург. СПб., 2014. С. 153–158. [Электронный ресурс]. URL: http://otkritie-info.ru/d/669057/d/sbornik-21-ve-8_0.pdf (дата обращения: 20.03.2014).

Троценкова Е.В. Вариативность в распределенных социокультурных репрезентациях комплексных ценностей в американской культуре и ее роль в аргументативных стратегиях // *Язык как культурный код нации: коллект. моногр.* (В печати).

Троценкова Е.В. Социокультурные стереотипы как основа функционирования словесных ярлыков в американском медийном дискурсе // *Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики*

и методики преподавания иностранных языков. Вып. 4. СПб, 2012а. С. 290–302.

Трощенко Е.В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012б. Вып. 2(18). С. 24–34.

Тулаева С.А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. №4. С. 3–17

Хоперская Л.Л., Киблицкий А.А. Этнокультурный бренд казачества в системе социальной самоидентификации // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов н/Д, 2012. С. 181–190.

Sharifian F. Cultural Conceptualizations and Language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. xvii, 238 p.

Список источников

Ковалев Д. Заметки о казачьем языке // Казарла. 2009. №3.

Кубанский говор. [Электронный ресурс]. URL: <http://banyabelogo.ru/kubanskij-govor>. (дата обращения: 20.03.2014).

Литвинов Н. Флаг Кубани // Литературная Россия. 2001. №27.

Пукиш В.С. «Безмовна Кубань» Петра Ткаченка // Український журнал. №1. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://ukrzurnal.eu/ukr.archive.html/857/> (дата обращения: 20.03.2014).

Пукиш В.С. «Безмолвная Кубань» Петра Ткаченка // Культурная жизнь юга России. 2009. №1(30).

Ткаченко П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. М., 1998.

Ткаченко Петр Иванович и его книги. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.noxog.ru/tkachenko-petr-ivanovich/tkachenko-petr-ivanovich-i-ego-knigi.html> (дата обращения: 20.03.2014).

Языковой фактор балачки // Сайт Ивана Карасева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbardalzo.narod.ru/7/balachka.html>. (дата обращения: 20.03.2014).

“THE MOST PICTURESQUE AND THE MOST PROGRESSIVE ONES”: VALUE COMPONENT OF SELF-IDENTIFICATION DISCOURSE ABOUT BALACHKA IN KUBAN REGION

Ekaterina V. Troshchenkova

Associate Professor of English Linguistics and Cultural Studies Department
Saint Petersburg State University

Olga V. Blinova

Associate Professor of General Linguistics Department
Saint Petersburg State University

The article discusses a value aspect of self-identification by a local cultural and language group which strives to emphasize its specificity in comparison to surrounding bigger communities. The article deals with one of “Kazaks idioms” (“Balachka”) and the discourse about this idiom. The principle points are as follows: the discourse is mostly generated in standard Russian (less frequently – in Ukrainian); processes of distancing from the bigger language and cultural community(communities) prevail over solidarization within the group; distancing is carried out as ascribing a value status to “uniqueness” of the idiom and the group that speaks it, which leads to the wish to find as many specific features in the idiom (contrasting with the standard Russian) as possible. At the same time, self-positioning as a part of bigger sociocultural community remains important, thus, discourse participants have to keep balance between centrifugal powers of distancing and centripetal self-identification processes within the frame of “big” including culture.

Key words: self-identification; values; balachka; positive self-representation; solidarization; distancing.